

ВОСТОЧНАЯ ТРАДИЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА: ЦЕННЫЙ ОПЫТ ДЛЯ ЗАИМСТВОВАНИЯ

Исследован генезис конституционно-правового статуса главы государства в Японии, в том числе в условиях двоевластия. Сделан вывод, что Украина с целью рационализации собственного национального создания государства может перенять некоторый политический опыт Японии. В Японии, в отличие от европейских стран, в том числе Украины, в которых имело место революционное отрицание предыдущей юридической формы главы государства (или требование изменения полномочий главы государства в рамках той же юридической формы), обновление правового статуса главы государства осуществлялось эволюционным путем с учетом традиций правопреимственности. Традиционное соблюдение японским обществом принципа наследственности обеспечивало не только легитимность власти главы государства, но и стабильность политической системы государства в целом. Следовательно, государственно-созидательный процесс в Украине должен развиваться эволюционно, то есть путем конструктивных реформ, вследствие которых правопреимственность обеспечит легитимность, а легитимность — политическую стабильность.

The author of the article investigates genesis of constitutional-legal status of the head of the state in Japan, including in the conditions of diarchy. The conclusion is made, that Ukraine with the purpose of rationalization of own national creation of the state can adopt some political experience of Japan. In Japan, unlike the European countries, including Ukraine, the revolutionary denial of previous legal form of the head of the state (or requirement of change of plenary powers of the head of the state within the framework of that legal form), updates of legal status of the head of the state was carried out in the evolutionary way taking into account traditions of legal succession. Traditional observance of the principle of heredity by Japanese society provided not only legitimacy of the power of the head of the state but also stability of the political system of the state in general. Therefore, a state and creative process in Ukraine must develop evolutionarily, that is by constructive reforms, owing to which of legal succession will provide legitimacy, and legitimacy — political stability.

Конституционно-правовой статус президента Украины не отвечает требованиям современных государственно-созидательных реалий, внешнеполитической ситуации и потребностям общества. Сегодня очевидным является то, что в национальной политической системе фактически сложилось два конкурирующих центра власти. С одной стороны, это президент Украины, с другой — премьер-министр Украины. Парламентские выборы, на которых партии главы государства и главы правительства Украины разделили первое место исходя из количества полученных голосов избирателей, к сожалению, усилили это противостояние.

Следовательно, конституционная реформа, которая имела место в феврале 2014 г., является неудачной, поскольку привела к расслоению политической власти в Украине. В условиях войны такая ситуация является недопустимой, а потому нуждается в конкретных шагах, а именно: а) выявление немедленной политической воли со стороны главы государства и главы правительства к тесному и скоординированному продуктивному сотрудничеству в национальных интересах; б) подготовка и проведение конституционной реформы. Отсюда возникает вопрос: в каком направлении двигаться — укреплять позиции главы государства или премьер-министра Украины?

Этот вопрос является достаточно непростым и нуждается в разновекторном анализе. При этом необходимо рассмотреть исторический опыт, но не только отечественный, а и зарубежный. История знает страны, в которых политическая система государства долгое время

существовала в условиях политического расслоения. К ним принадлежит и Япония.

В процессе исследования был изучен ряд исторических и документальных источников права, а также доктринальные достижения таких ученых, как В. Н. Еремин, С. Б. Маркарян, В. М. Мендрин, Ю. М. Тодыка, А. А. Толстогузов, А. В. Филиппов, С. Жанибек, В. Ф. Погорилка и др. Предметом научного исследования в них стали вопросы, связанные с отдельными составляющими правового статуса главы государства (полномочия главы государства, его правовые акты, порядок занятия поста главы государства, его место и роль в системе органов власти и т. п.), однако вопрос возможного привнесения политических достижений дальневосточных стран в условиях украинского государства не получил надлежащей проработки.

Цель данной публикации заключается в анализе генезиса конституционно-правового статуса главы государства в Японии, в том числе в условиях двоевластия, и получении ценного исторического опыта в процессе создания собственного национального государства.

Методологическими принципами исследования являются общетеоретические и специальные научные методы. Использование диалектического и историко-правового методов дало возможность рассмотреть процесс становления, утверждения и развития института главы государства в Японии, начиная с древнейшего периода и по настоящее время. Применение сравнительно-правового метода помогло определить возможную векторную направленность модификации института главы государства в Украине.

Институт главы государства в Японии эволюционировал от правителя одного из наибольших племенных союзов, борьба за власть между которыми обусловила преимущество одного из них (II в. н. э.), к современному императору. В I–II вв. н. э. на территории современной Японии фактически обособленно существовали «свыше ста государств», то есть родов и племенных союзов, каждый из которых управлялся своим вождем-правителем.

Начиная с IV в. н. э. в Японии формируются племенные союзы, а в V в. н. э. вождь одного из племенных союзов объединяет под своим верховенством большую часть территории страны. Это правитель союза племен Ямато, от имени которого позже было образовано название страны – Япония [1, с. 21, 25]. Правитель Ямато, получив признание других родов, приобрел качественно новый статус, его власть была признана общегосударственной и распространилась на племенные союзы, которые стали преобразовываться в провинции со своими руководителями [2, с. 183–184]. Власть вождя Ямато постепенно приобретала царский характер, благодаря чему институт правителя получил политическое верховенство в государстве. Следовательно, правитель одного из самых могучих клановых родов Ямато фактически стал первым главой государства в Японии.

И все же возникает вопрос: благодаря каким факторам вождю одного из союзов племен удалось политически дистанцироваться от своих соплеменников, приобрести статусное верховенство и какие элементы статуса правителя Ямато впоследствии стали восходящей основой для формирования конституционно-правового статуса главы государства в Японии?

История показывает, что становление и развитие института главы государства в Японии осуществлялось в тесной взаимосвязи с традиционной идеологией этого дальневосточного государства, которая основывалась на религиозном культе. Правовой статус правителя Ямато будто «совмещал» в себе несколько статусов: светский, военный и религиозный. Он был не только правителем государства и военным полководцем, но и верховным жрецом. Но то, что правитель Ямато был непосредственным главой религиозного культа, предопределяло его особый статус [3, с. 431], благодаря которому институт императора как главы государства в Японии стал не только традиционным, но и нерушимым.

Анализ генезиса конституционно-правового статуса главы государства в Японии свидетельствует, что на протяжении многовековой истории содержательное наполнение статуса японского императора неоднократно изменялось. В истории известны периоды, когда его политические полномочия были максимально выхолащены, военные права полностью отобраны, однако никто и никогда не осмелился лишить его религиозного статуса, благодаря чему японцы, невзирая на незавидное политическое или затруднительное материальное положение императора в тот или иной исторический период, традиционно поклонялись ему как «живому Богу». Следовательно, религиозная составляющая стала неотъемлемой восходящей основой формирования конституционно-правового статуса главы государства в Японии.

Попробуем проанализировать особенность генезиса и содержательное наполнение конституционно-правового статуса главы государства в Японии. В целом VII в. ознаменовался не только укреплением централизации Японии, но и утверждением абсолютизма. Фактически полностью государственная власть находилась в руках императора, который единолично управлял государством. Следовательно, возникает вопрос: какие факторы повлияли на утверждение абсолютной власти японского императора?

Во-первых, это признание буддизма в качестве государственной религии в конце VI в. Дело в том, что синто была первой японской религией, которая не имела основателя, священных книг, заповедей, религиозной философии, догматов, символов веры. Зато в буддизме, христианстве и исламе все это было. В основе синто лежали шаманство и поклонение разным богам природы. Такая религия сакрализовала государственную власть, однако не способствовала идеологическому сплочению общества вокруг единственного политического центра. Эту роль исполнил буддизм, который проник в Японию из Индии через Корею и Китай.

В основе учения Конфуция лежит почтительное отношение к старшим и через семейные отношения распространяется на государственные. Конфуцианство отвечало японским традициям почитания предков. Из всех духовных, культурных, политических и других институтов, привнесенных из Китая, наибольшее влияние на японское общество и государственность оказала, как правильно говорит Ж. Саурбек, именно религия. Даже слово «синто» вошло в обращение только в VI в. для того, чтобы отделить синто от государственной религии [1, с. 28, 35, 36].

Принятие японскими правителями буддизма, как отмечает нидерландский японовед К. ван Вольферен, было политически мотивированным [4, р. 19]. Правитель государства, руководствующийся философией буддизма, унаследовал «божью природу» и является прямым потомком бога на земле. Следовательно, буддизм стал не только беспрекословной основой формирования государственно-правовых институтов в Японии, но и наполнил конституционно-правовой статус японского монарха сакральным содержанием.

Во-вторых, это конституционное узаконивание «божьей природы» правового статуса главы государства. Конституция Сетокэ 604 г., которую принято считать первой конституцией Японии, провозглашала: «В государстве нет двух правителей; у народа нет двух владык. Правитель является владыкой народа всего государства» (ст. 12); «Государь – это небо; вассалы – земля. Поэтому если государь провозглашает, то вассалы должны слушать и выполнять» (ст. 3) [1, с. 69].

Глава государства в Японии не был юридически ответственен, поскольку «император был полубог, получеловек, прямой потомок богини-прародительницы, а соответственно, не было Неба, перед которым он должен отвечать» [5, с. 21]. Император был над законом. Конституция 604 г. ни в одной из своих семнадцати статей не содержала каких-либо предписаний, которые ограничивали бы власть монарха, зато он признавался единоличным правителем с особыми властными полномочиями

[2, с. 184]. Следовательно, узаконенный Конституцией 604 г. религиозный культ главы государства обусловил соответствующее светское содержательное наполнение его конституционно-правового статуса, а именно всевластие, неотчетственность, неподконтрольность и т. п.

В-третьих, это реформы, проведение которых было связано с волеизъявлением главы государства Оами (последняя четверть VII в.), а не аристократии или военной знати. Он систематизировал правила назначения наместников в провинциях (676 г.), упорядочил налоговую систему, установил иерархию чиновнических должностей, определил порядок получения земель за государственную службу, религиозный культ поставил на службу императорского двора, систематизировал перечень религиозных праздников и обеспечивал их политической поддержкой, создал Государственный совет по делам культа — управление, которым руководил лично, инициировал создание мифов «о происхождении императорского двора», которые впоследствии «сроднились» с официальной историей государства. Таким образом, главе государства в Японии была подчинена не только светская, но и религиозная власть. Кроме того, судебная и военные реформы обеспечили полноту власти монарха и в этих сферах государственного управления.

В-четвертых, получение японским монархом в 673 г. титула тэнно, то есть императора [5, с. 18], способствовало распространению его властных полномочий по всей территории японского государства.

Приобретение абсолютной власти главой государства в Японии в VII в. было предопределено такими факторами, как религиозный культ императора, проведение общегосударственных реформ и успешное развитие феодальных отношений. Примечательно, что абсолютизация конституционно-правового статуса главы государства в романо-германской правовой семье, а также в некоторых странах англосаксонской правовой семьи, например в Великобритании, тоже была связана с государственными реформами, инициированными самими правителями этих государств.

В целом генезис конституционно-правового статуса главы государства в Японии, начиная с VII в. и заканчивая X–XI вв., можно охарактеризовать как период японского абсолютизма. В Великобритании и странах континентальной Европы конец монаршему абсолютизму положили революции, благодаря которым выросла роль такого представительного органа, как парламент. Отсюда возникает вопрос: между какими институтами государственной власти завершение монаршего абсолютизма в Японии ознаменовалось перераспределением властных полномочий и какие факторы повлияли на трансформацию конституционно-правового статуса главы этого дальневосточного государства?

Анализ многочисленных источников права показывает, что в период с XII в. и до 1868 г. конституционно-правовой статус императора существенно менялся в сторону значительного ослабления императорской власти. Де-юре это был период расщепления государственной власти, в рамках которого было образовано два центра управления: номинальный — в императора, фактический — в оппозиции к императору. Такое положение было

предопределено рядом факторов, в частности появлением такого института, как инсей. Он состоял из императоров, которые отреклись от власти и приняли посвящение в буддизм. Во-первых, растущий авторитет этого органа ослабил императорский двор с его аристократической знатю. Во-вторых, это образование представителем одного из родов Минамото поста военного правителя государства — сегуна, который управлял военным правительством (бакуфу). «Сегун» — японизированное китайское слово, которое дословно означает «предводитель войск, военачальник, воевода, командующий армией» [6, с. 8], то есть это военный титул. Правовой статус сегуна в Японии можно определить как военный правитель государства, который осуществлял управление на собственное усмотрение вплоть до издания законов без любой санкции императора, даже бюджет императорского двора утверждал сегун.

Создание в правовой системе Японии института сегуна обусловило серьезные изменения в конституционно-правовом статусе японского императора как главы государства. «Сегунат», — как указывает В. М. Мендрин, — означает сосредоточение верховной власти над государством в руках наследственно-воеводского рода, который располагает собственными войсками и практически является независимым от верховенства главы государства — императора, но в то же время номинально считается его подданным и подчиненным» [6, с. 8]. Эта власть фактически была легитимирована путем присвоения императорским указом титула сегуна.

Примечательно, что отстранение главы государства от политических дел основывалось на четкой идеологии, за которую сегун освобождал императора от «большой политики», чтобы он как «божье лицо» не «опоганивал» себя заботами о ежедневных мирских делах [3, с. 431]. И все же наследственно-воеводские роды, которые, опираясь на войска, захватили в свои руки верховную светскую власть императора и самостоятельно осуществляли государственное управление, не отважились зайти так далеко, чтобы присвоить себе титул императора. Это было предопределено тем, что конституционно-правовой статус императора содержал религиозную составляющую.

Из сказанного резюмируем, что изменения конституционно-правового статуса японского императора указывали на: а) децентрализацию власти, правовым следствием которой стала потеря монархом его абсолютных полномочий; б) утверждение дуализма в государственном управлении. Формально император и в дальнейшем оставался главой государства, однако фактическая власть перешла к сегуну.

Следовательно, возникает вопрос относительно соотношения конституционно-правового статуса императора и сегуна. Обратимся к первоисточникам. В 1616 г. сегун Токугава написал «Завещание», которое еще называют «Стостатейные установления Токугава». В настоящем документе автор не противопоставлял власть императора и сегуна, императорского двора и Сегуната, а пытался найти компромисс их юридическому, политическому существованию соответственно приобретенным традициям. Токугава, указывая на обязанности, которые сегун имеет перед императором (ст. 17, 19, 21, 84 «Завеща-

ния» [7, с. 142], ставит конституционно-правовой статус императора на наивысшую ступень в государственной иерархической системе. Автор произведения говорит о «небесном мандате», которым наделен правитель, чем подчеркивает «божественное происхождение» императора, и указывает на необходимость соблюдения давних традиций. В «Завещании» сказано, что «во всех делах необходимо равняться на законы прошлого и стоит прекратить заниматься составлением новых правил» (ст. 31), поскольку законы нарушают принципы природы, однако последние законы не нарушают (ст. 100) [7, с. 140].

В формуле «Бансей иккей» («Одна линия навеки»), продицируемой сегунами, воплотился принцип непрерывного правления императора. А для того чтобы императорская семья не разрасталась и не порождала дрязги в вопросах престолонаследия, а также не вмешивалась в политическую жизнь государства, сыновья императора по большей части вынужденно становились монахами [3, с. 433]. Следовательно, институт императора в Японии всегда был единоличным, однако микадо являлся одним из его неотъемлемых титулов.

Кардинальные изменения в конституционно-правовом статусе японского императора имели место в 60-х гг. XIX в. Это было связано с выходом Японии из изоляции на мировую арену. Японцы достаточно враждебно воспринимали иностранцев [8, с. 244]. В то же время европейцы, которые не знали истинного состояния дел «при первом их столкновении с японцами, сделали неправильный вывод, что в Японии два императора: один светский – сегун, другой духовный – микадо» [6, с. 9].

Менталитет европейцев воспринимал это положительно, поскольку это указывало на политическую децентрализацию в государстве, а следовательно, его слабость. Вместе с тем европейцы и американцы, по нашему мнению, в своей политике относительно Японии не учли ментальную особенность японского общества, которая заключалась в непреклонном сохранении своих традиций.

9 ноября 1867 г. сегун Токугава Йосиноба, отрекаясь от власти, признал, что истинным сувереном в государстве является не сегунат, а император: «В это время по мере того, как наши отношения с внешним миром все более и более развиваются, государство может разделиться на составные части, если не будет управляться единственной центральной властью. Поэтому... необходимо вернуть суверенную власть императору» [3, с. 21]. Такие опасения сегуна не были обосновательными. Дело в том, что западные страны, лоббируя свои интересы в Японии, подкупали местную знать, что приводило к нивелированию власти сегуна и усилению децентрализации.

Манифестом императора от 3 января 1868 г. была изменена политическая система в государстве: институт сегуната отменялся, зато объявлялось возвращение к правлению императора как к давней и истинной японской традиции, то есть состоялась реставрация династии Мейдзи [3, с. 22].

Нормативной основой регламентации конституционно-правового статуса главы государства в Японии стала Конституция 1889 г. С ее утверждением, как говорит ученый Оиси Макото, в Японии была распространена мысль

о том, что она «священна» и это «никогда не стареющий большой закон» [9, с. 205].

По своему содержанию данный конституционный закон являлся воплощением соединения давних традиций императорского могущества и новейших традиций западноевропейской политической демократии. Утверждение последних было предопределено необходимостью занимать равноправное положение Японии в когорте передовых государств мира. Конституция 1889 г. в части ее нормативной регламентации правового статуса главы государства содержала следующие базовые принципы: а) не ограничивались традиционные, в том числе и религиозные прерогативы японского императора; б) правление династии должно осуществляться в соответствии с требованиями Конституции (ст. 4); в) император осуществляет законодательную власть вместе с императорским парламентом; г) Конституция является правовым актом, подаренным монархом своему народу [3, с. 117, 119]. Несмотря на то что Конституция провозгласила принцип распределения власти на законодательную, исполнительную и судебную, фактически все три ветви власти так или иначе были сосредоточены в руках монарха.

Конституционно-правовой статус японского императора коренным образом изменился после Второй мировой войны. 15 декабря 1945 г. оккупационная власть вручила японскому правительству директиву, которая содержала требование об отделении религиозного культа от государства. Император Японии был вынужден отречься от религиозной составляющей его конституционно-правового статуса [10, с. 49] и получить другую составляющую, в частности «символ государства и единства народа» (ст. 1 Конституции Японии 1947 г.).

Полномочия главы государства были выхолены конституционным актом, они приобрели церемониальные и представительские признаки. «Император назначает Премьер-министра по предоставлению Парламента. Император назначает главного судью Верховного суда по представлению» (ст. 6 Конституции Японии). Таким образом, приведенные и другие конституционные изменения 1947 г. указывают, что глава государства в Японии, потеряв свой религиозный титул, стал олицетворением лишь светской власти в государстве, к тому же его государственно-властные полномочия как главы государства были максимально сужены, он был лишен права дискреционно принимать решение по любым вопросам государственного управления.

По своему статусу император стал, скорее, воплощением «декорации» государственной власти, чем ее олицетворением. Характерной особенностью равномерного генезиса конституционно-правового статуса главы государства в Японии является отсутствие революций [9, с. 22].

Некоторые ученые, проанализировав современную политическую систему этого государства, пришли к выводу о фактическом отсутствии единственного руководящего центра [11, с. 79]. Японовед К. ван Вольферен, имея в виду главу государства, парламент и правительство, по этому поводу сказал: «Ни один из них не является главным, но каждый так или иначе может влиять на кого-то еще, что позволяет обеспечить надлежащее состояние дел» [4, р. 41]. Стойкость такой политической системы

в Японии ученый объясняет так: «Если источник реальной власти непонятный, то непонятно также, как с ним бороться» [4, р. 28].

Устойчивость политической системы в Японии предопределена в первую очередь генетической склонностью японцев придерживаться традиций (религиозных, политических, семейных, корпоративных и др.). Немецкий ученый Бернгард Келлерман еще в 1920-х гг. писал: «И сегодня, и завтра, и через сотню лет... не состоятся никакие изменения» [12, с. 16]. Итальянский ученый Фаско Мараини также доказывал, что процесс модернизации в Японии постоянно вынужден преодолевать силу сопротивления традиций [13, с. 158].

Подводя итог изучению генезиса конституционно-правового статуса главы государства в Японии, можно сделать определенные *выводы*:

- институт императора традиционно содержал несколько статусов: светский, военный и религиозный. На протяжении многовековой истории содержательное наполнение его правового статуса неоднократно изменялось: от всей полноты государственной власти к максимальному выхолащиванию его политических полномочий, полной потери военных прав. Однако представители японского общества не осмеливались лишать его религиозного статуса, благодаря этому институт императора как главы государства стал не только традиционным, но и нерушимым на протяжении всей истории этого дальневосточного государства;
- абсолютизм в Японии имел место, начиная с VII в. и заканчивая X–XI вв. Его возникновение было предопределено такими факторами, как религиозный культ императора, успешное развитие феодальных отношений, а также проведение общегосударственных реформ, инициированных, как в странах романо-германской правовой семьи и Великобритании, самими правителями этих государств;
- завершение японского абсолютизма было связано (в отличие от стран романо-германской правовой группы и Великобритании, в которых конец монаршему абсолютизму положили революции, благодаря чему выросла роль парламента) с утверждением военной власти в государстве во главе с сегуном (XII в. — 9 ноября 1867 г.);
- со своим конституционно-правовым статусом император в современной Японии является «декорацией» государственной власти, нежели ее олицетворением;
- эволюционный характер свойствен генезису конституционно-правового статуса японского главы государства;
- фактическое отсутствие военных событий на территории Японии, высокий уровень государственности, ментальная склонность японского социума к сохранению традиций и почтительное отношение к своим предкам, в том числе к императорам как носителям религиозного культа, обусловили не только достаточно исчерпывающую регламентацию правового статуса главы государства, в частности и на уровне конституционных актов, но и сохранение этих источников права.

Поэтому возникает вопрос: какое ценное историческое государственно-созидательное достояние этого дальневосточного государства можно использовать для создания собственного национального государства?

Выводы

Украина с целью рационализации создания собственного национального государства может перенять далеко не все из политического опыта Японии, а лишь определенные ценные достояния.

Во-первых, это недопущение двух конкурирующих центров власти (премьерской и президентской). В условиях фактического нарушения территориальной целостности Украины, а также прямого военного и критически опасного экономического, монетарно-валютного, энергетического и другого вмешательства других государств во внутренние дела Украины, которые по большей части преследуют собственные интересы, суверенитет страны находится под реальной угрозой. При таких обстоятельствах государство может разделиться на составные части, если не будет управляться единственной проукраинской по своему духу центральной властью.

Следовательно, возникает вопрос: почему в условиях длительного двоевластия Япония осталась единственной? Ответ находится на поверхности: а) страна была изолирована от внешнего мира; б) несмотря на то что между императором и сегунатом было противостояние за власть, их объединял дух национального патриотизма. Как только усилилось внешнее вмешательство других стран во внутренние дела Японии (вторая половина XIX в.), сегунат добровольно отказался от своих политических амбиций в пользу главы государства.

Во-вторых, в Японии, в отличие от европейских стран, в том числе Украины, в которых имело место революционное отрицание предыдущей юридической формы главы государства (или требование изменения полномочий главы государства в рамках той же юридической формы), обновление правового статуса императора осуществлялось эволюционным путем с учетом традиций правопреемственности.

В-третьих, объем полномочий должен быть увеличен у того органа государственной власти, который готов реально взять на себя всю ответственность за состояние дел в государстве. Очевидно, что таким органом должен быть глава государства. Вместе с тем юридическая ответственность главы государства должна быть не только задекларированной в конституционном законодательстве, в том числе и в Основном Законе государства, но и процессуально-нормированной.

В-четвертых, стоит помнить, что практика наделения президента Украины значительным объемом полномочий приводит к его функциональной «перегруженности», что фактически мешает ему полноценно выполнять свои государственно-властные полномочия. Со временем это приводит к постепенному внутреннему (фактическому, а не юридическому) перераспределению полномочий между главой государства и его администрацией, то есть на последнюю негласно возлагается неоправданно значительный как для совещательного, вспомогательного органа объем полномочий. В результате таких обстоятельств прямо нарушаются предписания ч. 2 ст. 106 Конституции Украины: «Президент Украины не может передавать свои полномочия другим лицам или органам» и существенно расширяется штатное количество работников администрации.

Такое негласное внутреннее перераспределение полномочий между главой государства и его совещательным органом приводит к дисбалансу государственной власти, поскольку складывается практика, когда, скажем, правительство, конституционно-правовой статус которого определяется как высший орган исполнительной власти, вынуждено вести диалог по многим важным вопросам и согласовывать их не с главой государства, а с его администрацией, правовой статус которой ниже, чем у Кабинета Министров Украины. Следствием таких отношений является по меньшей мере уменьшение авторитета правительства в обществе. Особенно это остро чувствовалось в период правления третьего и четвертого президентов Украины. Поэтому в процессе нормирования правового статуса главы государства, важной составляющей которого выступают полномочия, необходимо учесть этот факт и не допустить его функциональной перегрузки.

Следовательно, по форме государственного правления Украина должна быть смешанной, однако не парламент-

ской республикой; объем полномочий главы государства, который избирается на общегосударственных выборах, не может быть меньше, чем у премьер-министра Украины, поскольку украинский народ делегирует ему свои полномочия, в то время как правительство формируется усилиями главы государства и разновекторного парламента. Необходимо научиться решать политические вопросы не благодаря революциям, после которых украинский народ в разы беднеет, а Украина увеличивает свой внешний долг, а путем конструктивного диалога общества и государства. Традиционное соблюдение японским обществом принципа наследственности обеспечивало не только легитимность власти главы государства, но и стабильность политической системы страны в целом. Поэтому государственно-созидательный процесс в Украине должен развиваться эволюционно, то есть путем конструктивных реформ, вследствие которых правопреемственность обеспечивает легитимность, а легитимность — политическую стабильность, которой нам крайне не хватает.

Список использованных источников

1. Саурбек, Ж. Сравнительно-правовой анализ и основные этапы развития средневекового законодательства Японии / Ж. Саурбек. — Алматы, 2005. — 327 с.
2. Бехруз, Х. Порівняльне правознавство / Х. Бехруз ; Одеська нац. юрид. акад. — О. : Фенікс, 2009. — 464 с.
3. История Японии / отв. ред. А. Е. Жуков ; РАН, Ин-т востоковедения. — М. : ИВ РАН, 1999. — Т. 1: С древнейших времен до 1868 года. — М., 1999. — 663 с.
4. Wolferen, K. van. The enigma of Japanese people and politics in a stateless nation / K. van Wolferen. — L. : Macmillan London Ltd, 1989. — 496 p.
5. Толстогузов, А. А. Очерки истории Японии VII–XIV вв.: становление феодализма / А. А. Толстогузов. — М. : Восточ. лит., 1995. — 333 с.
6. Мендрин, В. М. История сегуната в Японии (Нихон гайси) : в 2 т. / В. М. Мендрин ; пер. с яп. с примеч. и коммент. — М. : Рос. гос. б-ка, 1999. — (Восточная коллекция). — Т. 1. — 480 с.
7. Филиппов, А. В. «Стостатейные установления Токугава» 1616 г. и «Кодекс из ста статей» 1742 г. Право, общество и идеология Японии первой половины эпохи Эдо / А. В. Филиппов. — СПб., 1998. — 186 с.
8. Маркарян, С. Б. Япония — Запад: эволюция взаимовосприятости / С. Б. Маркарян // Япония: конец XX века. Последние тенденции трансформации. — М. : Ин-т востоковедения РАН, 1996. — 266 с.
9. Еремин, В. Н. История правовой системы Японии / В. Н. Еремин. — М. : РОССПЭН, 2010. — 294 с.
10. Гісем, О. В. Країни Азії, Африки, Латинської Америки на шляхах незалежного розвитку / О. В. Гісем. — К. : КМУЦА, 1995. — 80 с.
11. Япония: общество и культура : реферат. сб. / отв. ред. А. И. Фурсов ; РАН, Ин-т науч. информ. по общественным наукам. — М. : ИНИОН РАН, 1999. — 170 с.
12. Келлерман, Б. Страна хризантем / Б. Келлерман ; пер. с нем. — П. — М., [б.м.]. — 286 с.
13. Мараини, Ф. Япония. Образы и традиции / Ф. Мараини. — М., 1980. — 252 с.

12.11.2014